

Гиперборея критика

Вспоминая Александра Михайлова

С Александром Алексеевичем Михайловым (Ал. Михайлов) свела нас литература. В далеком 1952 году я принес в редакцию ежегодного литературного альманаха "Север", выходящего в те годы в Архангельске, свои первые три небольших морских рассказа. Их отдали на рецензию члену редколлегии Ал. Михайлову. Два рассказа он отклонил, а третий – "Международное дело" – одобрил. Так мы познакомились, и знакомство это, переросшее в дружбу, продолжалось более полувека, вплоть до самой кончины Александра Алексеевича в апреле 2003 года.

Затем судьба свела нас в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС на кафедре теории литературы и искусства, после окончания которой оба работали в секторе художественной литературы Отдела культуры ЦК КПСС – Михайлов с 1960 года, я с 1962 года.

То были сложные годы после XX и XXII съездов КПСС и развенчания культа личности Сталина. В обществе и в партийном активе КПСС царил идеологический разброд.

Главным объектом критики в те годы была художественная литература, которая, по мнению партийной номенклатуры, вся ушла в критику социалистической действительности, утратила идейное влияние на умы людей, не помогала партии вести народ к "сияющим вершинам коммунизма".

Однажды Д.Поликарпов, тогдашний заведующий отделом, придя с заседания Секретариата ЦК КПСС, собрал работников отдела и заговорил о необходимости сформулировать наиболее важные проблемы, по которым, возможно, потребуется высказаться ЦК КПСС, чтобы предостеречь творческую интеллигенцию от опасных перекосов.

Запомнилось выступление на этом

совещании Ал. Михайлова: партийная критика и партийный актив, сказал он, слишком буквально понимают слова Ленина о том, что литература должна стать частью общепролетарского дела. Нам надо разъяснить, что литературно-художественное произведение – это не плакат с призывом делать то-то и то-то. Роль литературы, ее идейно воспитательное значение надо понимать не утилитарно, не прямолинейно, а опосредованно.

Д.Поликарпов решительно отверг суждения Ал.Михайлова. "В утилитарном подходе к литературе, – сказал он, – нас обвиняют западные теоретики-ревизионисты. Они критикуют политику КПСС в области культуры и творчество преданных делу партии художников. Наша задача утвердить то, что мы ценим, чем гордимся. Это для нас сейчас главное, а не надуманные теории об утилитарном подходе к произведениям литературы и искусства."

Ал. Михайлов молча выслушал отповедь начальника и сделал свои выводы. Через какое-то время он без лишнего разговора оформил свой перевод в 1965 году в Литературный институт, куда его давно приглашали проректором. И с головой ушел в любимую работу. В институте он вел семинары по поэзии и критике, в литературных журналах и газетах печатались его статьи о поэзии и поэтах, выходили книги.

Ал.Михайлов знал, конечно, о призывах ЦК КПСС к писателям, нацеливавших на то, чтобы "вдохновлять", "укреплять", "прославлять", наконец, "быть глашатаем и пропагандистом исторических завоеваний социализма". Но в своих статьях обращался он к поэтам с органическим, от Бога, или, скажем помягче, от природы данным поэтическим мышлением, с ясным пониманием эстетичес-

кой сущности и предназначения поэзии: "Стихи должны быть стихами, а не лозунгами, не газетными статьями, не нравоучительными проповедями... И когда мы не будем делать скидок на актуальность, не будем делать эстетических уступок, не будем самоцельную игру слов и ритмов принимать за поэзию, – общий уровень стиха необычайно поднимется."

В середине 1986 года издательство "Художественная литература" выпускает двухтомник Ал. Михайлова "Избранные произведения. Ритмы XX века. Панорама поэзии", в которой автор как бы подвел предварительные итоги своего творческого пути. В двухтомнике речь идет о творчестве А.Твардовского, К.Ваншенкина, Л.Мартынова, Б.Случко, В.Федорова, Е.Евтушенко, Н.Рубцова, Р.Рождественского, Р.Казаковой, В.Шефнера... Почти треть объема первого тома отдана разбору поэтического творчества Андрея Вознесенского. Увлеченный мощной поэтической фантазией и талантом А.Вознесенского, парадоксальностью его поразительного ассоциативного мышления, Ал. Михайлов говорит о нем как о новом явлении в поэзии, как о мастере стремительного темперамента, "густой метафорической речи, синтетического образа... редкой выразительности". Поэма А.Вознесенского "Мастера" позволила критику сделать важный вывод о природе искусства вообще: "Искусство вечно, и искусство – бунт против подавления личности, искусство – самосожжение таланта и труд до кровавых мозолей. В искусстве живут характер народа, его идеалы. С таким пониманием роли и значения искусства Вознесенский написал "Мастеров".

С сожалением говорит Ал. Михайлов о постоянных необоснованных групповых и вкусовых нападках на

творчество Андрея Вознесенского и замечает: "... сколько раз за эти годы, читая или слушая некоторых его критиков, я улавливал комплекс пушкинской Сальери... Увы, он сопутствует литературной жизни, не всем хватает широты души, чтобы радоваться чужому таланту, есть среди нашего брата такие, которые не прощают успеха и известности более талантливым. Мне жаль их: энергия таких людей могла бы вдохнуть силы в творчество, но тратится она на неблагодарное дело поношения таланта".

Ал.Михайлов любил свой северный край, свою родину, часто там бывал и сумел "заразить" любовью к Северу таких сугубо, казалось бы, столичных выдающихся литераторов – прозаика Юрия Казакова и поэта Константина Ваншенкина. И они зачастую на Север, и появились замечательные книги – "Северный дневник" Ю.Казакова и "Соловыный коридор" К.Ваншенкина.

О них, своих друзья писателях-северянах, и о тех, кто так или иначе связан с Севером, рассказал Ал. Михайлов в своей последней книге "Моя Гиперборея", вышедшей в его родном городе Архангельске: о Борисе Шергине и Степане Писахове, о Федоре Абрамове и Викторе Астафьеве, о Николае Рубцове и Ольге Фокиной, Владимире Личутине, Юрии Казакове, Константине Ваншенкине... Рассказал без утайки и о своем жизненном пути, о своем детстве и творчестве на берегу Баренцева моря и реки Печоры. Мужественная и честная книга. Заметное место в ней заняли размышления автора о творчестве Владимира Личутина. Это не просто размышления критика, это и восторженный рассказ о ярком таланте писателя-земляка, о "художественной обольстительности" личутинской прозы.

...Фронтовик, не раз раненный, по-

лучивший в окопах Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов четыре боевых ордена, затем доктор филологических наук, профессор Литературного института, академик РАЕН, Ал.Михайлов был разносторонне талантлив и отличался завидной трудоспособностью. Он был вице-президентом Международной ассоциации литературных критиков (МАЛК), главным редактором журнала "Литературная учеба", его избрали руководителем Московской писательской организации, секретарем правления Союза писателей СССР.

Он был нетерпим к несправедливостям любого рода. Когда один из литераторов опубликовал погромную статью о последнем романе В.Астафьева "Прокляты и убиты" и обвинил автора романа в том, что тот видит войну из "земляной щели", не понимает ее "стратегии", увидел в этом романе лишь "угрюмое скотство Астафьева", Ал.Михайлов дал яростную и беспощадную отповедь этому критику: "... Есть ли мера этой подлости? Человек, позволивший себе столь мерзкий выпад, не просто циник, он хуже... Я защищаю достоинство солдата и прекрасного писателя В.П.Астафьева..." И жестко заключает: "Мне кажется, роман этот неподсуден новой критике".

Критик он был незаурядный, человек он был честный и скромный, в дружбе был надежный и верный.

Когда сегодня перечитываешь сочинения Ал. Михайлова, то скорбь и тоска в душе усиливаются. Я уже не услышу его голос по телефону: "Ну как, может, в пятницу встретимся?" И уже не отвечу привычно: "Ну конечно, буду вовремя"... И незачем больше спешить на улицу Строителей...

Альберт БЕЛЯЕВ

*Михайлов Алексей
Алексеевич*

28.04.04

Вручила - 2004-28 апр. 17